

Посвящается Линдси

ROB BROTHERTON

SUSPICIOUS MINDS

Why We Believe
Conspiracy Theories

BLOOMSBURY
sigma

РОБ БРАЗЕРТОН

НЕДОВЕРЧИВЫЕ УМЫ

Чем нас привлекают
теории заговоров

Перевод с английского

Москва
2017

УДК 159.923
ББК 88.3
Б87

Переводчики Мария Багоцкая, Павел Купцов
Редактор Антон Никольский

Бразертон Р.

Б87 Недоверчивые умы. Чем нас привлекают теории заговоров / Роб Бразертон ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-91671-682-5

Все не так, как нам говорят: существует скрытая сторона реальности, вселенная тайных планов и секретных операций. Это привычный образ мыслей людей, склонных не доверять официальной информации. Так рождаются легенды о том, как было «на самом деле»: о съемках высадки на Луну в кинопавильоне Аризоны и фармацевтического лобби, о генетически модифицированных продуктах и событиях 11 сентября 2001 г., о египетских пирамидах, инопланетянах, рептилоидах, политических заговорах и новом мировом порядке. Но верят в небывлицы совсем не обязательно малообразованные люди и маргиналы — перед конспирологией бессильны и президенты, и нобелевские лауреаты. Анализируя теории заговора и их последствия, Роб Бразертон, ведущий специалист по психологии теорий заговоров, не пытается разбираться в том, где правда, а где выдумки. Его интересует, почему для нас так притягательна конспирология, и объяснение он находит в природе человека. А путешествие в наш внутренний мир увлекательнее самых неправдоподобных историй мироустройства.

УДК 159.923
ББК 88.3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу nylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-682-5 (рус.)
ISBN 978-1-4729-1561-0 (англ.)

© Rob Brotherton, 2015
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Просветительский фонд «Эволюция»

основан в 2015 году сообществом
российских просветителей.

Цель фонда — популяризация научного
мировоззрения, продвижение здравого смысла
и гуманистических ценностей,
развитие науки и образования.

Одно из направлений работы фонда —
поддержка издания научно-популярных книг.
Каждая книга, выпущенная при содействии
фонда «Эволюция», тщательно
отбирается серьезными учеными.

Критерии отбора — научность содержания,
увлекательность формы
и значимость для общества.

Фонд сопровождает весь процесс создания
книги — от выбора до выхода из печати.
Поэтому каждое издание библиотеки фонда —
праздник для любителей
научно-популярной литературы.

Больше о работе просветительского
фонда «Эволюция»
можно узнать по адресу
www.evolutionfund.ru

Оглавление

Введение. Вниз по кроличьей норе.....	7
ГЛАВА 1. Эпоха заговоров	19
ГЛАВА 2. В чем же вред?	45
ГЛАВА 3. Что такое теория заговора?	71
ГЛАВА 4. Конспирологическое мышление	97
ГЛАВА 5. Параноидальные маргиналы.....	121
ГЛАВА 6. Я хочу верить.....	147
ГЛАВА 7. (Официальные) истории.....	173
ГЛАВА 8. Связать воедино	199
ГЛАВА 9. В поисках намерений.....	225
ГЛАВА 10. Искажение пропорций.....	251
ГЛАВА 11. Я так и <i>знал</i>	273
Эпилог. Всего лишь человек.....	297
Примечания.....	301
Иллюстрации.....	341
Благодарности	343
Предметно-именной указатель.....	345

Вниз по кроличьей норе

Все устроено не так, как нам кажется. Существует скрытая сторона реальности, невидимый мир тайных дел и секретных операций. Таинственная разветвленная структура постоянно просеивает, прячет и подтасовывает информацию. Она создает утешительную ложь, чтобы скрыть настоящую, обезкураживающую правду. Она влияет на наши мысли, на то, во что мы верим, на принимаемые решения, перестраивает наше восприятие в соответствии со своим планом. Короче говоря, наше понимание мира — иллюзия.

Кто стоит за кулисами и руководит этой немислимой системой? Какое-то злое общество? Психопаты-чиновники в прокурорских конференц-залах? Королева Англии? Может быть, она работает на межгалактических рептилоидов-оборотней? Или вообще все вместе?

Нет. Это процесс внутренний. Это не *они* делают, это делаем *мы*. Точнее, вы. Еще точнее — этим занимается ваш мозг.

Все это заговор

Абсолютно для всего найдется теория заговора. Пирамиды построены древними атлантами. Авраам Линкольн был убит по приказу вице-президента Эндрю Джонсона. Высадка на Луну в ходе программы «Аполлон» была снята в кинопавильоне в Аризоне. В «Зоне 51» установлено высокотехнологическое оборудование инопланетного происхождения. Алекс Джонс, конспирологически настроенный радиоведущий из тexasского города Остина, — это на самом деле комик Билл Хикс (который инсценировал свою смерть в начале 1990-х гг., чтобы сделать карьеру в области конспирологии). А есть еще фармацевтическое лобби, черные вертолеты, Бильдербергский клуб, Богемская роща...

Кроличья нора уходит глубоко. Заговорщики, по-видимому, воздействуют через сам воздух, которым мы дышим (отравлен химиотрассами), на пищу, которую мы едим (ее испортила Monsanto*), на лекарства, которые мы принимаем (содержат смертельно ядовитые вещества), и на воду, которую мы пьем (обогатенную фторидом, вызывающим помутнение рассудка). Результаты выборов фальсифицируют, политика — сплошной обман, а президент Барак Обама — мусульманский коммунист из Кении.

Это всего лишь некоторые из *теорий*, но кто же в таком случае *теоретики*? Принято считать, что сторонники конспиративных теорий — это редкая порода людей, небольшая, но преданная своему делу категория фанатичных мужчин среднего возраста, ведущих замкнутый образ жизни и имеющих весьма своеобразный подход к поиску и обобщению информации (и хранящих запас фольги для защитных шапочек).

Однако этот стереотип не совсем верен. В целом по склонности к конспирологическому мышлению женщины не отличаются от мужчин¹. С уровнем образования и доходов также не прослеживается никакой связи. Сторонников теории заговора чуть больше среди людей без полного среднего образования, чем среди закончивших колледж², но перед конспирологией не могут устоять даже профессора, президенты и нобелевские лауреаты. Теории заговора привлекательны для людей любого возраста. В среднем склонность пожилых людей к конспирологии не сильнее и не слабее, чем у молодежи 2000-х³. Так, огромное число американских подростков подозревают, что Луи Томлинсона и Гарри Стайлса из чрезвычайно популярной группы One Direction связывают тайные интимные отношения, а девушка для Луи была придумана руководителями в качестве прикрытия⁴.

Будет большой ошибкой считать, что к теориям заговора склонны в основном маргинальные личности. На самом деле

* Транснациональная компания, мировой лидер в области производства генетически модифицированных пищевых растений. — *Прим. ред.*

очень большое число людей выстраивает те или иные конспирологические теории. Согласно опросам, проводившимся в последнее десятилетие, около половины американцев полагают, что их правительство, по-видимому, скрывает правду о террористических актах 11 сентября⁵. Почти 40% опрошенных подозревают, что изменение климата — злонамеренная выдумка ученых⁶. Около трети верят, что правительство, скорее всего, скрывает доказательства появления инопланетян⁷. Более четверти беспокоятся по поводу «Нового мирового порядка»⁸. В опросе, проведенном в 2013 г., 4% опрошенных (относительно всего населения США это составит 12 млн человек) согласились, что «рептилоиды-оборотни принимают форму людей, приобретают политическую власть, чтобы манипулировать обществом, и таким образом контролируют наш мир». Еще 7% признались, что не могут с уверенностью рассуждать на этот счет⁹.

Стоит иметь в виду, что такие опросы общественного мнения дают лишь приблизительное представление о популярности каждой конкретной теории. Оценка может различаться в зависимости от того, кого вы спрашиваете, как и когда. Тем не менее очевидно, что сторонников теорий заговора на самом деле куда больше, чем вы могли предположить. Скорее всего, вы знаете таких людей. Весьма вероятно, что вы один из них.

Это касается не только американцев. Люди, живущие в Великобритании и других европейских странах, такие же мнительные. И речь идет не только о живущих на Западе. Конспирология — явление глобальное. По данным опроса, проведенного Pew Research Center в 2011 г., от половины до трех четвертей опрошенных в странах Ближнего Востока сомневались, что в трагедии 11 сентября виноваты арабские террористы¹⁰. Во многих частях земного шара местное население с подозрением относится к вакцинам и другим западным лекарствам. Согласно опросу 2011 г., четверо из каждых 10 россиян считают, что Америка инсценировала высадку на Луну¹¹. Вскоре после того, как в 1984 г. в Индии была убита премьер-министр Инди-

ра Ганди, ее преемник сказал собравшейся в Нью-Дели аудитории, составлявшей сотни тысяч человек, что «убийство Индиры Ганди — дело рук большой тайной организации, цель которой — ослабить и разделить Индию»¹². А в Бразилии популярна теория, что американские военные собираются вторгнуться в дождевые леса Амазонии и завладеть ее богатыми природными ресурсами¹³. Согласно этой теории, чтобы подготовить американских граждан к планируемой захватнической операции, в школьных учебниках в США на картах Южной Америки показано, что огромная территория Амазонской низменности контролируется ООН.

Итак, был ли во время убийства Кеннеди стрелок на травяном холме? Жив ли Элвис, может быть, он сейчас отдыхает у бассейна вместе с Джимом Моррисоном, Мэрилин Монро и принцессой Дианой в каком-то секретном пансионате для звезд, скрывшихся от мира? Кто на самом деле правит миром и что они сделали с рейсом МН 370?

Если вы ищете ответы на эти вопросы, то боюсь, что вы приобрели не ту книгу. Может быть, где-то эти ответы и есть, но не здесь. Если действительно существуют зловещие планы, прямо сейчас вызревающие за закрытыми дверями, если истинных виновников чудовищных преступлений до сих пор не привлекли к ответственности, если все, что нам известно, — сплошная ложь, было бы полезно об этом знать. Но есть масса других книг, посвященных сбору сведений о некоторых тайных заговорах, и почти столько же книг, предназначение которых — порвать эти теории в клочья. Эта книга не о том. На самом деле эта книга вообще не о теориях заговора (хотя по ходу повествования мы будем сталкиваться с ними в большом количестве). Она про конспирологическое мышление с точки зрения психологии — про то, как мы решаем, что разумно, а что нелепо, и почему некоторые люди верят в то, что другим кажется совершенно невероятным.

Конечно, если вы спросите людей, почему они верят или почему *не верят* в ту или иную теорию, они, вероят-

но, ответят, что сделали этот вывод просто на основе доказательств. Однако психология утверждает, что все обстоит иначе. Получается, мы не всегда можем объяснить, почему верим в то, во что верим.

Порядок на столе, порядок в голове или неожиданная польза аккуратности

В эксперименте, проведенном недавно психологами из Амстердамского университета, студентам предложили подумать про что-то, к чему у них имеется двойственное отношение, — про любое явление, которое вызывает у них как положительные, так и отрицательные чувства¹⁴. Например, представить себе, каково это — съесть целое ведро мороженого. Возможно, вы отлично проведете 20 минут, но последствия будут, скорее всего, печальные. В данной ситуации присутствуют как плюсы, так и минусы, что вызывает двойственные чувства.

Каждый студент, сидя за компьютером, думал о своих двойственных чувствах и набирал в текстовом редакторе свои размышления. Внезапно на экране появлялось сообщение об ошибке. Не волнуйтесь, это было частью хитроумного плана, придуманного психологами. Исследователь, контролировавший эксперимент, изображал удивление и просил участника заполнить анкету (якобы не связанную с предыдущим заданием) на другом столе. Ничего не подозревающего человека отводили в комнатку, где обнаружился захламленный стол, на котором валялись ручки, книги, журналы и скомканные бумажки. Когда участник устраивался посреди этого мусора, ему показывали наборы картинок.

На некоторых картинках, как на той, что слева, имелись слабо заметные изображения, в данном случае — парусный корабль. На других, вроде той, что справа, не было ничего, кроме произвольно расположенных штрихов. Студенты должны были сказать, видят ли они осмысленный рисунок. Почти все заметили корабль и другие настоящие изображения. Интересно, что многие участники признавались, что видят рисунок там, где на самом деле были только случайные пятна. На 12 картинках не было изображено ничего осмысленного. В среднем на девяти из них студентам виделись рисунки.

Так проходил эксперимент с одной группой студентов. Для другой группы все начиналось почти так же. Студенты должны были подумать о чем-то, что вызывает у них противоречивое отношение, видели сообщение об ошибке, их уводили в захлавленную комнату. Но дальше было важное отличие. Прежде чем продолжать эксперимент, исследователь просил участника помочь убрать мусор. После того как на столе наводили порядок, студентам показывали те же картинки. В отличие от тех участников, которые работали среди мусора, эти увидели меньше вымышленных изображений. В среднем они замечали несуществующие рисунки на пяти из 12 картинок, то есть примерно столько же, сколько видят люди, у которых не вызвали противоречивых чувств в начале эксперимента.

Исследователи объяснили, что противоречивые чувства нам неприятны. Мы привыкли искать порядок и систему, а противоречия вызывают ощущение путаницы и несоответствия. Когда это происходит, мы можем попытаться изменить свои взгляды или просто проигнорировать разногласия. В отдельных случаях, чтобы избавиться от неприятных эмоций, мы можем постараться решить проблему окольным путем. Противоречивость опасна для нашего стремления к порядку, поэтому в качестве компенсации мы можем начать искать порядок в другом месте. Поэтому студентам из первой группы привиделось так много мнимых изображений. Поиск смысла в неупорядоченных пятнах путем мысленного объединения точек позволил им

удовлетворить стремление к порядку, возникшее из-за ощущения противоречивости. И это же объясняет, почему студенты из второй группы видели меньше мнимых изображений. Их потребность в превращении хаоса в космос была удовлетворена в процессе элементарной уборки на столе. И они уже не стремились искать рисунок в бессмысленном узоре. Они не ощущали необходимость соединять пятна.

Какое отношение это имеет к конспирологии? В другом эксперименте ученые снова вызвали у людей чувство двойственности¹⁵. Но теперь вместо того, чтобы рассматривать странные картинки, студенты должны были представить себе, что их оставили без повышения по службе. Исследователи спрашивали, какова вероятность, что такое решение начальника было вызвано происками коварного коллеги. В отличие от группы людей, у которых не вызывали противоречивых чувств, студенты, у которых такие чувства возникали, имели большую склонность подозревать наличие заговора. Очевидно, что иногда вера в заговор — то же самое, что и попытка найти смысл в случайных событиях.

Но на наши представления может скрыто влиять не только небольшой беспорядок. В другом недавно проведенном исследовании 200 студентов одного из лондонских колледжей просили просто оценить, насколько правдоподобными им кажутся некоторые известные теории заговора¹⁶. Для половины студентов подозрения были изложены легко читаемым шрифтом — обычным Arial, кегль 12, примерно вот так:

Тайное и могущественное общество, известное как «Новый мировой порядок», планирует управлять всем миром с помощью единого мирового правительства, которое заменит независимые правительства отдельных стран.

Для другой половины студентов суть подозрений была написана шрифтом, который было немного сложнее прочесть, вроде этого:

Тайное и могущественное общество, известное как «Новый мировой порядок», планирует управлять всем миром с помощью единого мирового правительства, которое заменит независимые правительства отдельных стран.

Когда текст был написан ровным, четким шрифтом, студенты неизменно считали эти теории заговора более правдоподобными. Когда испытуемые читали менее удобный шрифт, они менее верили прочитанному.

Примечательно, что, если бы вы спросили этих студентов, почему они оценили конспирологическую теорию именно так, они бы ответили вам что-то вроде «я уже слышал раньше о “Новом мировом порядке”», или «заговоры есть всегда», или «кажется вполне правдоподобным, что люди замышляют что-то нехорошее». Никто из голландских студентов не сказал бы вам, что двойственные чувства по поводу ведерка мороженого повлияли на его суждение. Никто из лондонцев не подумал про себя: «Это приятный шрифт, поэтому я думаю, что “Новый мировой порядок” действительно планирует переворот». Оценивая правдоподобность теорий, они не делали сознательного выбора. Их мозг самостоятельно выполнил большую часть работы.

Кто дергает за ниточки?

Нейробиолог Дэвид Иглмен пишет в своей книге «Инкогнито: Тайная жизнь мозга» (Incognito: The Secret Lives of the Brain), что у вас внутри спрятана сложная система механизмов¹⁷. Ваше тело заполнено органами, у каждого из которых своя задача, все они работают вместе, чтобы вы были живы и здоровы, и они справляются с этим без какого-либо сознательного вмешательства с вашей стороны. Следите вы за этим или нет, ваше сердце продолжает биться, ваши кровеносные сосуды расширяются и сужаются, и селезенка делает то, что она должна делать. Наука только относительно недавно более-менее подробно разобралась, как устроено наше тело, поэтому нетруд-

но поверить, что наши органы могут выполнять свою работу без нашего указания и даже не докладывая нам об этом.

В то же время для *мозга* ситуация выглядит иначе. Из всех органов мозг — наиболее сложный. Он состоит из миллиардов специальных клеток, каждая из которых взаимодействует с тысячами других, и все они непрерывно передают серии электрических сигналов¹⁸. Каким-то образом, как именно — во многом до сих пор не ясно, из этого хаоса рождается *сознание*: наше ощущение *себя*, думающего, чувствующего, принимающего решения, той личности, которая находится позади наших глаз и принимает важные решения вроде того, когда перейти дорогу и куда сходить пообедать. Сознание — это все, что мы знаем о происходящем в нашей голове, и создается ощущение, что мы знаем *все*, что в ней происходит. Однако результаты многочисленных психологических исследований приводят к неожиданному выводу. Сознание — это еще не все. Мы не знаем — или почти не знаем, — что происходит в нашем мозге. Подобно другим органам, мозг в первую очередь занимается поддержанием нашей жизни, и для этого ему, как и остальным, менее таинственным частям организма, не требуется интенсивная помощь с нашей стороны. Все происходит скрыто, вне нашего сознания и без нашего контроля.

Однако то, что наш мозг не посвящает нас во все свои дела, еще не означает, что происходящие в нем подсознательные процессы не важны или не имеют последствий. На самом деле наше восприятие, мысли, убеждения, наш выбор — все это формируется в процессе скрытой деятельности мозга. Обладающие богатым воображением психологи придумали различные метафоры для описания нашего ошибочного ощущения, что мы осознаем и контролируем все то, что происходит у нас в мозге. Как выразился Дэвид Иглмен, «ваше сознание — ребенок, пробравшийся на борт трансатлантического парохода: он собирается проплыть весь маршрут, не ведая о существовании огромных механизмов под палубой»¹⁹. Социолог Джона-тан Хайдт сравнил сознание с человеком, сидящим на спине

слона: натягивая поводья, человек может упросить и убедить слона идти в том или ином направлении, но к концу дня слон захочет пойти куда ему вздумается, а ведь он намного крупнее нас²⁰. Психолог Даниэль Канеман, одним из первых начавший изучать скрытые предрассудки и стереотипы, описал разделение обязанностей между нашими сознательными и бессознательными психическими процессами в кинематографических терминах. «Если вдруг (что маловероятно) по этой книге снимут фильм», в котором оба режима мышления будут играть свою роль, то сознание «будет второстепенным персонажем, который считает себя героем», — писал Канеман²¹.

Я тоже хочу предложить метафору, но ближе к нашей теме. Мы считаем себя кукловодами, полностью контролирующими свои умственные способности. Однако на самом деле мы марионетки, связанные с нашим молчаливым бессознательным невидимыми ниточками, мы пляшем по его желанию, а потом приписываем себе лавры хореографа.

Недоверчивые умы

Значит ли это, что теории заговора по сути своей иррациональны, безумны, глупы, бестолковы, фантастичны или патологичны? Некоторые специалисты вдохновенно презирают и высмеивают конспирологические теории, считая их результатом нарушенного мышления, которого у нормальных людей быть не может. Из-за такого негативного отношения усиливается напряженность между конспирологами и их критиками. Что касается самих конспирологов, то для них более неприятно, когда человек ищет психологические причины для объяснения веры в теорию заговора, чем когда просто не соглашается с ними. Это выглядит попыткой опозорить людей, верящих в теории заговора, или даже поставить на них крест, признав психически неуравновешенными.

У меня другая цель. Эта книга — не список теорий заговора, не каталог странных идей, в которые верят некоторые

люди. Я не собирался выделять конспирологов в отдельную, чужеродную нам группу или рассказывать поучительную историю о неправильном способе мышления. Накопленные за последние несколько лет научные данные рассказывают гораздо более интересную историю, которая касается нас всех. Майкл Биллиг, одним из первых начавший исследование конспирологического мышления, предупреждает, что, когда дело касается конспирологии, «легко переоценить ненормальность того, что на самом деле представляет собой достаточно обычное явление»²². Теории заговора могут возникать в результате некоторых странностей и недостатков работы нашего мозга, но, как мы увидим, это далеко не уникальный случай. Большинство наших странностей просто остаются незамеченными. Психологи могут много рассказать не только о том, почему люди верят в грандиозные заговоры, но и как в принципе работает мышление и почему мы вообще во что-то верим.

Итак, вот моя теория. Каждый из нас находится во власти сотен миллиардов крошечных нейронов — заговорщиков. На протяжении всего повествования мы будем приподнимать завесу, проливая свет на темные глубины нашего мышления, и выяснять, каким образом тайные махинации, производимые нашим мозгом, приводят к тому, что мы верим в теории заговора и многое другое. Независимо от того, отражают ли конспирологические теории реально происходящее в мире или нет, они многое говорят о нашей тайной сущности. Теории заговора перекликаются с некоторыми встроенными в наш мозг стереотипами и предрассудками, взаимодействуют со скрытыми желаниями, страхами и представлениями о мире и о людях в нем. Мы наделены врожденной подозрительностью. По своей природе мы все конспирологи.

Эпоха заговоров

«Эта эпоха заговоров, — многозначительно провозглашает персонаж романа Дона Деллило “Бегущий пес” (Running Dog), — эпоха тайных связей, союзов и отношений»¹. Эта цитата приводится в многочисленных книгах и очерках о современной конспирологии. В ней отражено широко распространенное как среди обычных людей, так и среди ученых мужей представление о том, что теории заговора сейчас популярны, как никогда. Как высказался один психолог, «в прежние века люди баловались конспирологией на любительском уровне, однако в наше время заговор стал образом мышления и методом действия»².

Есть много объяснений, почему сейчас якобы наступил золотой век конспирологии. Эксперты из числа современников подозревают, что всему виной развитие интернета. Политолог Джоди Дин начала свою статью, опубликованную в 2000 г., с утверждения, что, «поскольку в наш информационный век глобальная сеть становится все более запутанной, многих из нас ошеломляет и сбивает с толку вездесущая неопределенность»³. Вероятно, с тех пор положение только ухудшилось; в исследовании распространенности конспирологических теорий в социальных сетях, проведенном в 2015 г., наше время назвали «веком дезинформации»⁴.

Другие специалисты указывают на роль реальных событий. По словам журналиста Джонатана Кея, разрушение башен-близнецов открыло «ни много ни мало контркультурную пропасть», своего рода интеллектуальную черную дыру, которая засосала «широкий спектр политических параноиков»⁵. Другие предпосылки для развития конспирологии прослеживаются еще раньше. Возможно, это началось в 1970-х гг. в связи с кризисом доверия к правительству, который развил-

ся из-за параноидального поведения Никсона. Может быть, это случилось в 1960-х гг., когда после гибели Джона Кеннеди и роста числа неудач во Вьетнаме общество утратило наивность. Или же это началось в 1950-х гг. вместе с паранойей холодной войны.

До недавнего времени мы могли только гадать, как это происходило на самом деле. Но в 2014 г. политологи Джо Усцински и Джозеф Парент запустили оригинальную и амбициозную исследовательскую программу для того, чтобы получить четкий ответ.

На первый взгляд не заметно, как в течение длительного времени меняется интенсивность конспирологического мышления. В наш цифровой век можно легко понять, о чем говорят люди, если посмотреть популярность хештегов или количество «лайков» страницы в Facebook. Менее очевидно, каким образом можно узнать, сколько людей рассуждало о теориях заговора 100 лет назад. Но Усцински и Парент поняли, что наши предки из «аналоговых времен» оставили после себя богатейший источник данных: письма в редакцию. Справедливости ради следует отметить, что газетные страницы с письмами читателей часто упускаются из виду и нередко рассматриваются просто как свалка отходов отработанных эмоций. Однако социальные аналитики выяснили, что письма в редакцию прекрасно отражают общественное мнение и поэтому могут быть очень полезны для исследований⁶.

Итак, Усцински и Парент начали анализировать письма читателей, которые на протяжении более чем века публиковались в *The New York Times*⁷. Была собрана выборка порядка 1000 писем в год, с 1890 по 2010 г., всего более 100 000 писем. Затем группа хорошо подготовленных (и хочется надеяться, хорошо оплачиваемых) помощников тщательно проанализировала каждое письмо на предмет наличия теории заговора. Поддерживает письмо эту теорию или же опровергает, Усцински и Парент полагали, что в любом случае обсуждение данного предмета означает, что пишущий счел тему достойной обсуж-

дения, а редактор решил, что она важнее остальных, а раз так, письмо стоит напечатать.

Среди приблизительно 100 000 писем в 875 упоминались теории заговора. Это составляет менее 1% всех писем, что может показаться очень малой долей, однако Усцински и Парент отмечают, что писать можно было абсолютно на любую тему. И неудивительно, что при вычленении любой конкретной темы, будь то конспирология, комедия или кулинария, получается относительно немного откликов читателей.

Среди подозрений, выдвигаемых авторами писем, исследователи обнаружили несколько настоящих перлов. Подозревались в заговорах все те, кого обычно подозревают, — президенты, крупные компании, средства массовой информации, а также замечательный набор менее заметных персонажей, в том числе фермеры и почтальоны и даже компания Уолта Диснея. В 1890-х гг. люди беспокоились о том, что Англия и Канада сговорились отобрать территорию у Соединенных Штатов или что мормоны фальсифицируют выборы в пользу республиканцев. Для первых двух десятилетий XX в. были характерны теории, в которых представители деловых кругов пытались разрушить демократию. С 1930-х по 1960-е гг. во многих предполагаемых заговорах фигурировали коммунисты. А в последние примерно 50 лет подозрения сместились в сторону самого американского правительства, в особенности относительно различных спецслужб.

Так как же ответить на заданный вопрос? Стало ли больше разговоров на конспирологические темы после Второй мировой войны? Активизировались ли они в связи с убийством Кеннеди, Уотергейтским скандалом или терактом 11 сентября? Был ли взлет конспирологии после прихода эпохи интернета? Усцински и Парент сообщают, что, «несмотря на шумиху», ответ на все эти вопросы — решительное «нет».

Была пара лет, особенно урожайных на теории заговора, но это не те годы, о которых вы могли подумать. Число писем на конспирологические темы ненадолго возросло в середи-

не 1890-х гг., когда появился страх перед крупным бизнесом, и в 1950-х гг., когда достигли наибольшего накала страсти в связи с «красной угрозой». Но это были непродолжительные периоды, и число писем быстро снижалось до обычного уровня. За все это время не наблюдалось экспоненциального роста. Возможно даже, люди стали говорить о теориях заговора чуть *меньше*, чем раньше. Исследователи подсчитали, что на протяжении 50 лет после смерти Кеннеди в среднем в год было меньше писем с конспирологической тематикой, чем в течение 70 лет до этого события. В целом можно сказать, что с годами не менялось почти ничего. Конспирологические разговоры в большинстве случаев были стабильным шумом на заднем плане, и их интенсивность удивительным образом не зависела от политических событий, экономики или развития средств коммуникации.

Усцински и Парент приходят к заключению, что «все данные свидетельствуют об одном убедительном факте: мы не живем в эпоху заговоров сейчас и не жили в обозримом прошлом». Итак, если наше увлечение конспирологией — это не свежее приобретение, то когда же оно появилось? Оказывается, довольно давно.

Пока горел Рим

По утверждению историка Стивена Дандо-Коллинза, днем 19 июля 64 г. в Риме стоял палящий зной. Это было накануне чрезвычайно популярных ежегодных Римских игр в честь побед Цезаря (Ludi Victoriae Caesaris). Большой цирк (Circus Maximus) — огромный стадион, вмещавший четверть миллиона зрителей, — был уже подготовлен к мероприятию, и народ стекался в город. В этот вечер торговцы едой, выстроившиеся вдоль улиц, примыкающих к стадиону, топили свои жаровни, деловито готовясь накормить толпы людей, когда забрезжит рассвет. Невозможно определить точно, где именно, но где-то в непосредственной близости от стадиона вспыхнул пожар. Пожары были нередки в Древнем Риме, но этот отличал-

ся от прочих. Раздуваемый сильным ветром, он быстро распространялся по узким извилистым улочкам, пожирая тесно стоящие дома. Этот ад, который потом назвали Великим пожаром Рима, продолжался почти неделю. Множество людей погибло в огне, половина жителей города осталась без крова. В общей сложности две трети города превратились в руины и пепел⁸.

Не успели еще остыть угли, как распространились теории заговора. Подозрение немедленно пало на императора Нерона. По словам римского историка Тацита, который в детстве стал свидетелем этого пожара, «никто не осмеливался бороться с огнем, потому что какие-то темные люди не позволяли его тушить, угрожая расправой. Некоторые из них сами бросали в дома зажженные факелы, крича, что так велено»⁹. Что касается Нерона, то Тацит пишет, что, когда вспыхнул пожар, Нерон находился за 58 км от Рима, в своем родном городе Анциуме. Когда он вернулся в город, то быстро организовал обездоленным людям кров и питание. Тем не менее общественность отнюдь не преисполнилась благодарности за его усилия. Поползли слухи, что, пока город горел, молодой, инфантильный, поглощенный собой император находился в Анциуме, где выступал с пением перед публикой.

Тацит не был уверен в причастности Нерона к пожару и слушал отчеты о слухах без явного одобрения. Другие были менее сдержанны. Светоний, родившийся через пять лет после пожара, в свое время был уважаемым историком и имел доступ к официальным архивам Рима. После, попав в немилость к императору Адриану предположительно из-за любовной связи с императрицей, Светоний потерял право доступа к архивам. Поэтому биография Нерона, написанная им через 50 лет после пожара, в значительной мере основывалась на слухах. «Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, — писал Светоний, — он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры заставляли у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать». И затем Светоний добавляет, что после возвращения из Анци-

ума «на этот пожар он смотрел с Меценатовой башни, наслаждаясь великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел “Крушение Трои”»¹⁰.

Дион Кассий, писавший спустя 165 лет после пожара, пошел еще дальше, утверждая, что у Нерона была группа хорошо организованных слуг, поджегших город исключительно по злобе. Дион явно ухватился за идею, что Нерон в безумном ликованиях распевал песни, когда вокруг пылал город, и приукрасил ее своими подробностями. Его мелодраматический пересказ пожара стоит процитировать целиком:

После этого Нерон посвятил свое сердце исполнению того, что, без сомнения, всегда было его желанием, а именно — в течение своей жизни привести к гибели весь Город и государство... Соответственно, он втайне послал людей, притворявшихся пьяными или по-другому озорничавшими, и приказал им сначала поджечь одно-два или даже несколько зданий в разных концах города, так, чтобы люди были сбиты с толку и не могли ни найти причины бедствия, ни положить ему конец... Когда все жители были в таком состоянии духа и многие, раздавленные несчастьем, бросались прямо в огонь, Нерон взобрался на крышу дворца, с которой открывался наилучший вид на большую часть пожара, и, напаялив одеяние кифареда, спел «Падение Трои», как он назвал эту песню, хотя на самом деле речь шла о падении Рима¹¹.

Был ли на самом деле поджог или нет, действительно ли Нерон пел, играя на лире, неизвестно: ему не довелось стать персонажем теории заговора. Чтобы прекратить распространение слухов, он создал свою собственную конспирологическую теорию. По словам Тацита, Нерон «приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами»¹². У нескольких христиан выбили ложные признания, на основании которых задержали многих других.

Тацит пишет, что их обвиняли «не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому». Они стали козлами отпущения, и Нерон отнесся к ним безжалостно. «Их умерщвление сопровождалось издевательствами, — рассказывает Тацит, — их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или, обреченных на смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения».

Великий пожар был далеко не единственным событием в римской истории, вызвавшим появление теорий заговора. Увлечение римлян конспирологией уходит корнями в самое начало империи. Ромул, один из основателей города и первый римский царь, предположительно исчез при загадочных обстоятельствах. По слухам, его советники сенаторы умертвили своего царя, стремясь укрепить собственную власть. Дион Кассий изложил происшедшее в характерном для него мрачном стиле, написав, что жаждущие власти сенаторы окружили Ромула, когда он произносил речь, и «растерзали его на части» тут же на полу здания сената. Дион отметил роковое совпадение, утверждая, что преступление было сокрыто «сильной бурей и затмением солнца — теми же событиями, которыми сопровождалось его рождение. Таким был конец Ромула»¹³. Виктория Паган подметила, что вся история Древнего Рима насыщена рассказами о предполагаемых заговорах. Многие из этих сюжетов основаны на реальных событиях; убийства и другие подлые злодеяния были весьма характерны для древнеримской политики. Но часто, как в случае с нашумевшими слухами о пиромании Нерона или неожиданной смертью Ромула, истории были, несомненно, приукрашены или даже полностью выдуманы.

Это касается не только Рима. Древний мир был полон заговоров и конспирологических теорий. Историк Джозеф Ройзман пишет, что по крайней мере уже в V в. до н. э. деятельность знаменитых афинских ораторов и драматургов была пронизана «рассказами о заговорах, которые касались абсолютно всех

аспектов жизни в Афинах. Козни строили против жизни людей, их имущества, должности, репутации, а также против государственных интересов, власти и относительно международных отношений»¹⁴. В заговорах подозревали почти каждого, начиная от политиков и деловых людей и заканчивая иммигрантами и рабами, и эти истории, по-видимому, воспринимались всерьез как правящей верхушкой, так и народными массами.

Увлечение конспирологией продолжалось на протяжении всего Средневековья. Как и прежде, теории заговора были популярны и среди черни, и в аристократических кругах. По словам Барри Коварда и Джулиана Сванна, в голодные годы крестьяне обычно считали свое бедственное положение следствием не «плохой погоды или неправильного распределения ресурсов, а подлых действий спекулянтов», а правящая элита часто приписывала нежелательные изменения «заговору придворных, министров, фаворитов, еретиков или масонов»¹⁵. Даты и имена менялись, но склонность к конспирологии оставалась неизменной на протяжении веков. Ковард и Сванн указывают, что «английские парламентарии в начале XVII в., например, часто обращались к Тациту и римской истории для объяснения политики своего времени».

Великий лондонский пожар, уничтоживший в 1666 г. центральную часть города за четыре дня, — яркий пример того, как история повторяется и конспирология вместе с ней. Покуда бушевало пламя, Сэмюэл Пипс записал в своем дневнике про ползущие тут и там слухи о том, что «пожар явился следствием заговора»¹⁶. Были те, кто подозревал, что подожгли свои по указанию короля Карла II. По словам современников, некоторые даже проводили «ужасную параллель между Его Величеством и Нероном»¹⁷. Другие предполагали, что поджигателями были заговорщики-католики или враждебные Англии державы. Вскоре арестовали француза Робера Юбера, который признался, что устроил пожар, действуя в сговоре с французскими католическими шпионами. Его признание было не вполне правдоподобным. Так, сначала он заявил, что поджог был

в Вестминстере. Затем, когда узнал, что пожар на самом деле начался на Паддинг-Лейн и даже не дошел до Вестминстера, изменил показания. Тем не менее власть и жители Лондона воспользовались возможностью возложить вину за пожар на этого добровольного козла отпущения. Имея в качестве доказательства вины лишь это сомнительное признание, Робер был повешен 27 октября 1666 г. перед толпой ликующих зрителей¹⁸.

Краткого взгляда на историю достаточно, чтобы понять: золотой век конспирологии начался тысячи лет назад и заканчиваться не собирается. Некоторые из античных теорий заговора поразительно похожи на современные. Однако есть и ряд заметных различий. Во времена Античности конспирологические теории, как правило, имели отношение к местным, внутренним событиям и причины обычно предполагались достаточно конкретные и личные. Стоит также отметить, что, хотя многие истории были, несомненно, приукрашены, они не были *полностью* выдуманными. Когда императоры и монархи обладали абсолютной властью, произвести какие-либо значимые изменения можно было только путем заговора.

Со временем интересы конспирологии расширились. Предположения о существовании местных мелких заговоров на почве личных интересов сменились версиями значительно большего масштаба. Предлагаемые сюжеты стали более таинственными, глобальными и губительными. И наконец, сами заговорщики теперь представлялись менее явными и более зловещими.

На пути от простых теорий, характерных для прошлых времен, к нынешним крупномасштабным версиям имели место две важнейшие истории, первая из которых произошла благодаря молодому немецкому идеалисту Адаму Вейсгаупту.

Паника вокруг иллюминатов¹⁹

В 1772 г. Адам Вейсгаупт, следуя по стопам своего отца и крестного, стал профессором права в университете баварского горо-

да Ингольштадт. Однако он никогда по-настоящему не увлекался правом. В свои 24 года Вейсгаупт был неугомонен и идеалистичен. Разочаровавшись в строгом иезуитском образовании, основанном на зубрежке, вдохновленный идеями Просвещения, он загорелся желанием улучшить общество и с помощью силы разума разрушить религиозные суеверия. Кроме того, по словам историка Джона Робертса, Вейсгаупт был «циничным, беспринципным карьеристом и лжецом... Все свидетельства об этом периоде карьеры говорят о том, что это был неприятный, но характерный для университетской среды типаж: умный, своенравный, эгоцентричный и склонный к самообману зануда».

По мнению Робертса, истинной страстью Вейсгаупта были интриги. С ранних лет его интересовали тайные общества вроде пифагорейского союза. Он вступил в масонскую ложу в 1774 г., но был разочарован отсутствием у франкмасонов политических целей и настоящих тайн, а также высокими членскими взносами. Он решил организовать собственное тайное общество. На первом заседании, состоявшемся 1 мая 1776 г., присутствовали только сам Вейсгаупт и четверо его студентов. Он назвал свое общество орденом иллюминатов.

Неоднозначность личности Вейсгаупта отразилась на особенностях ордена. Его мировоззрение было идеалистическим, на грани наивности. Единственной целью ордена Вейсгаупт указал «донести до человечества, сколь важны совершенство разума и его благородство... чтобы сопротивляться злым замыслам, чтобы помочь в борьбе с несправедливостью по отношению к обездоленным и угнетенным, чтобы подвигнуть людей на доблестные дела и в целом способствовать улучшению средств познания и науки». В то же время, став главой собственного тайного общества, Вейсгаупт смог удовлетворить свою жажду внимания и интриг. Он тщательно раздувал ауру таинственности вокруг ордена. Члены организации получали новые имена, должны были выучить значения тайных слов, пройти тщательно разработанные обряды посвящения,

им было приказано порвать все отношения с семьей и друзьями. Чтобы набрать новых членов ордена, Вейсгаупт внедрял иллюминатов в масонские ложи и сманивал людей оттуда. Он разработал сложную иерархию, про которую не знал никто, кроме самых высокопоставленных участников. Для продвижения вверх требовалось полное беспрекословное послушание. Истинные политические цели ордена — мирное преобразование общества — лишь постепенно раскрывались перед участником по мере достижения наивысших ступеней иерархии.

К началу 1780-х гг. в ордене насчитывалось около 300 членов со всей Европы. Однако расширение организации привело к ослаблению конспирации. Властность и педантичность Вейсгаупта раздражали некоторых новых участников. Несколько человек проговорились о деятельности иллюминатов посторонним лицам, преувеличив исходящую опасность. К 1784 г. слухи об ордене привлекли внимание властей. Правительство Баварии издало указ, запрещающий тайные общества, и Вейсгаупт прекратил собрания иллюминатов. Утечка информации продолжалась, газетчики и проповедники все чаще распространяли тревожные слухи, обвиняя иллюминатов в «безбожии, неверности правящему дому, политических интригах и моральной испорченности».

Отчаянно пытаясь спасти свою организацию, Вейсгаупт лично встретился с Карлом Теодором, курфюрстом Баварии, и поведал ему большинство тайн иллюминатов. Напрасно он это сделал. 2 марта 1785 г. Теодор издал еще один указ, где запрещалась деятельность именно иллюминатов. Вейсгаупт бежал из Баварии. Начались расследования, устраивались аресты, и для всеобщего обозрения была опубликована большая часть секретных документов иллюминатов, включая личные письма Вейсгаупта. Иллюминаты перестали существовать, но не были забыты.

Раскрытие реально существующего тайного общества, имеющего на самом деле политические цели, в сочетании с многочисленными раздутыми слухами об отвратительной и разру-

шительной деятельности организации вызывало беспокойство и тревогу. Стали говорить, что тайное общество Вейсгаупта просто ушло в подполье и продолжает функционировать. Поскольку настоящего ордена больше не существовало, теперь ничто не мешало их противникам представлять в своем воспаленном воображении иллюминатов, распространившихся не только по Баварии, но и по всей Европе и даже в недавно получивших независимость Соединенных Штатах. Разоблачение иллюминатов Вейсгаупта бросало тень и на масонов. Известно, что агенты иллюминатов внедрились в несколько масонских лож, и кто может уверенно сказать, что всех их разоблачили. Происходили тревожные события, и казалось все более правдоподобным, что это связано со скрытыми заговорами тайных обществ. А затем вспыхнула Великая французская революция.

«Сегодня легко недооценить, каким потрясением была Французская революция, — пишет Робертс. — Поскольку с нее началась эпоха революций, которая длится до сих пор, мы воспринимаем идею революции совсем не так, как люди XVIII в.». В течение 10 бурных суматошных лет между 1789 и 1799 гг. обрушилась старая система наследования аристократических привилегий, и на смену ей пришло новое, более равноправное светское общество. Революционные идеи начали распространяться по Европе, и вскоре миллионы людей получили основные права, которых у них никогда раньше не было, в то время как аристократия внезапно обнаружила, что ее могущество и богатство растаяли. Это были великие и небывалые изменения — быстро возникла совершенно новая политическая реальность. Понятно, что люди пытались как-то к ней привыкнуть. «Казалось, что масштабы и жестокость изменений... не поддавались никаким известным, традиционным вариантам объяснения, — писал Робертс. — Требовалось осмысление на каком-то совершенно ином уровне».

Ближе к концу революции, в 1797 г., почти одновременно вышли книги двух авторов, где приводилось новое объяснение происходящему. Первая из них была написана Огюстеном Бар-